

О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ

КАК МНЕ ТЕБЯ ИСЦЕЛИТЬ?

Удалившись от таинства Исповеди, люди задыхаются в помыслах и страстях. Знаете, сколько людей приходит ко мне и просят, чтобы я помог им в каком-то их затруднении? Но при этом эти люди ни на исповедь, ни в церковь не хотят идти! «А в церковь-то ты хоть ходишь?» — спрашиваю. «Нет», — отвечают они. «А ты хоть когда-нибудь исповедовался?» — спрашиваю снова. «Нет. Я пришел к тебе, чтобы ты меня исцелил». — «Но как же я тебя исцелю? Тебе нужно покаяться в своих грехах, нужно исповедоваться, ходить в храм, причащаться — если ты имеешь на это благословение своего духовника, — а я буду молиться о твоём здравии. Неужели

ты забываешь о том, что есть и иная жизнь и к ней нам необходимо готовиться?» — «Послушай-ка, отец, — возражают в ответ такие люди, — все то, о чем ты говоришь: церкви, иная жизнь и тому подобное, нас не занимает. Все это сказки. Я был у колдунов, был у экстрасенсов, и они не смогли меня исцелить. И вот я узнал, что исцелить меня можешь ты». Представляешь, что творится! Ты говоришь им об исповеди, о будущей жизни, а они отвечают, что «все это сказки», но одновременно просят: «Помоги мне, а то я сижу на таблетках». Но как я им помогу? Разве исцелятся они волшебным образом, без труда?

ЗРЯ ПОТРАТИЛИСЬ НА БИЛЕТЫ

Однажды ко мне в каливу пришел человек, у которого были неполадки с психикой. У него был помысел, что я наделен

даром прозорливости и смогу ему помочь. «Что ты обо мне предвидишь?» — спросил он меня. «Найди духовника и исповедуйся ему, — ответил я. — Тогда ты будешь спать как младенец и выбросишь таблетки, которые пьешь». — «В наше время, — ответил он, — хороших духовников нет. Раньше были, а сейчас перевелись». Вот так эти люди приходят ко мне с добрым помыслом получить пользу, однако не слушают того, что я им говорю. Ну так что же: только зря потратились на билеты до Афона.

ТАК ПРОСТО

Несколько лет назад разные богословы, университетские профессора, другие видные деятели собрались в Женеве на «предсоборное совещание». Рождественский и Петровский посты они решили упразднить,

а Великий пост сделать на пару недель короче — поскольку народ все равно не постится. В этом совещании принимали участие и наши профессора. Когда, вернувшись оттуда, они приехали ко мне и стали обо всем этом рассказывать, я пришел в такое негодование, что даже накричал на них. «Понимаете ли вы, что творите? — говорил я. — Если кто-то болен, то он имеет оправдание есть скоромное в пост — общие правила на него не распространяются. Если кто-то съел в пост скоромное не по болезни, а по духовной немощи, то он должен просить: „Прости меня, Боже мой“, он должен смириться и сказать: „Согреших“. Такого человека Христос не станет казнить. Однако если человек здоров, то он должен поститься. А тот, кто безразличен, все равно ест все, что хочет, и его ничего не волнует. Все и так идет само собой. Действительно, большинство не

держит постов, не имея на это уважительной причины. И мы, желая угодить этому большинству, хотим вообще отменить посты? Но откуда мы знаем, каким будет следующее поколение? А вдруг оно будет лучше, чем нынешнее, и сможет относиться к тому, что заповедует Церковь, без компромиссов? По какому же праву мы будем все это отменять? Ведь все это так просто!

Ради наших слабостей мы не имеем права перешивать христианство на собственный аршин. Даже если хранить установленный чин могут немногие, ради этих немногих он должен быть сохранен. Если больной человек оказался среди чужих, то пусть он ест скоромное так, чтобы другие его не видели и не соблазнялись. Пусть купит себе какой-нибудь сметаны и скушает ее у себя в комнате». — «Это лицемерие», — ответил мне один из этих профессоров. «Тогда

почему, чтобы быть более искренним, ты не идешь на площадь и не грешишь на ней?» — спросил я его в ответ.

ВЕЛИКОЕ БЕССИЛИЕ

Однажды ко мне в каливу пришел один юноша — колдун с Тибета. Он рассказал мне многое из своей жизни. Трехлетним младенцем — будучи только отнятым от груди матери — он был отдан своим отцом группе тибетских колдунов из тридцати человек, для того чтобы они посвятили его в тайны своего колдовского искусства. Этот юноша дошел до одиннадцатой степени колдовства — высшая степень двенадцатая. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он уехал с Тибета и поехал в Швецию, для того чтобы увидеть своего отца. В Швеции он случайно познакомился с православным священником

и захотел побеседовать с ним. Юный колдун совсем не знал, что такое православный священник. В зале, где они беседовали, юноша, желая явить свою силу, начал показывать различные колдовские фокусы. Он вызвал одного из старших бесов по имени Мина и сказал ему: «Я хочу воды». После того как он произнес эти слова, один из стаканов сам собой поднялся в воздух, подлетел под кран, вода открылась, стакан наполнился и затем сквозь закрытую стеклянную дверь влетел в зал, где они сидели. Юноша взял этот стакан и выпил воду. Затем, не выходя из зала, он показывал сидящему перед ним священнику всю вселенную, небо, звезды. Он использовал колдовство четвертой степени и хотел дойти до одиннадцатой. Потом он спросил священника, как тот оценивает все, что видит. «Если бы он похулил сатану, — говорил мне молодой колдун, — то я мог бы его

убить». Однако священник ничего не ответил. Тогда юноша спросил: «А почему и ты не покажешь мне какое-нибудь знамение?» — «Мой Бог — Бог смиренный», — ответил священник. Потом достал крестик, дал его в руки юному колдуну и сказал ему: «Сотвори еще какое-нибудь знамение». Юноша позвал Мину — старшего беса, но Мина, трепеща, как осиновый лист, не мог решиться к нему приблизиться. Тогда юноша вызвал самого сатану, но тот, видя в его руках крест, вел себя так же — боялся к нему подойти. Сатана велел ему только одно: побыстрее уехать из Швеции и снова вернуться на Тибет. Тогда юноша начал ругать сатану: «Теперь я понял, что твоя великая сила на самом деле — великое бессилие». Потом юноша был научен тем добрым священником истинам веры. Священник рассказал ему о Святой Земле, о Святой Афонской Горе и других

святых местах. Уехав из Швеции, юноша совершил паломничество в Иерусалим, где видел Благодатный огонь. Из Иерусалима он поехал в Америку, для того чтобы дать хорошую взбучку своим знакомым сатанистам и вправить им мозги. Бог сделал этого юношу самым лучшим проповедником! Из Америки он приехал на Святую Афонскую Гору.

О ФОТОГРАФИЯХ И ИЕГОВИСТЕ

Если человек, имея фотографию своего отца, матери, деда, бабушки или брата, не может порвать ее или наступить на нее, то разве не в гораздо большей мере это относится к иконе! У иеговистов нет икон, и честь, которую мы воздаем иконам, они считают идолопоклонством. Как-то раз я спросил одного иеговиста: «У вас что, в домах нет фотографий?» — «Есть», — ответил он.

«Хорошо, — говорю, — разве мать, когда ее дитя находится в дальней отлучке, не целует его фотографию?» — «Целует», — говорит иеговист. «А что она целует: бумагу или свое дитя?» — «Свое дитя», — отвечает он. «Ну так вот, — говорю, — как она, целуя фотографию своего ребенка, целует его самого, а не бумагу, так и мы целуем Христа, а не бумагу или доску».

НИКТО НЕ БЫВАЕТ ОДИН

Как-то раз один человек жаловался, что, дескать, нет ни одного православного, чтобы представлять Православие за границей на разных конференциях и прочих мероприятиях. Все говорил, говорил, говорил — так стусил краски, что просто ложись да помирай. «Когда Бог, — сказал я ему, — спросил пророка Илию: „Что ты ищешь, Илия, на

Хориве?“ — то пророк ответил, что он остался один. Тогда Бог сказал ему: „Семь тысяч человек не преклонили колена перед Ваалом“. Семь тысяч человек сохранили веру, а пророк Илия говорил: „Я остался один“! И теперь ты сгущаешь краски в то время, когда есть столько верующих! Неужели наш Вседержитель подобен Вседержителю, изображаемому в куполе храма, который от землетрясения может дать трещины, и тогда мы думаем, что с ним делать, чтобы он не осыпался, приглашаем реставраторов, чтобы они его укрепили?» — «Там, в Америке, — ответил он мне, — хоть шаром покати — нет никого». — «Да как же нет, — возразил я, — когда я знаком со столькими верующими из Америки!» — «Да, — говорит, — так-то оно так. Но ведь католики — это такие продувные бестии! Так и норовят нас перехитрить!» — «Да католики, — ответил ему

я, — уже и сами почувствовали отвращение к папству и сейчас возвращаются в Православие. Когда Патриарх Димитрий приезжал в Америку, то разве не сами католики кричали: „Патриарх — истинный христианин, а папа — коммерсант“? Разве католики говорили это не с возмущением? А ты мне твердишь о том, что католики стремятся хитростью проникнуть в Православие, чтобы его разложить, и все подобное этому. Тогда где же, по-твоему, Бог? Разве диавол может вытворять все, что ему вздумается?»

О БЛАГОГОВЕНИИ И БЛАГОДАТИ

Раньше люди, заболев, брали маслице из своей лампадки, помазывались им и выздоравливали. Сейчас лампада горит просто как формальность, лишь для подсветки, а масло, когда моют лампаду, выливают

в раковину. Как-то я был в одном доме и увидел, как хозяйка моет в раковине лампадку. «Вода куда идет?» — спрашиваю я ее. «В канализацию», — отвечает она. «Понятно, — говорю, — ты что же это, то берешь из лампы маслице и крестообразно помазываешь свое дитя, когда оно болеет, а то все масло из стаканчика льешь в канализацию? Какое же ты этому находишь оправдание? И как придет на твой дом благословение Божие?»

В теперешних домах некуда выбросить какую-то освященную вещь, например бумажку, в которую был завернут антидор. А я помню, что у нас в доме не шла в канализацию даже та вода, которой мыли тарелки. Она сливалась в другое место, потому что даже крошки освящаются, раз мы молимся до и после еды. Все это сегодня ушло, потому ушла и Божественная благодать, и люди беснуются.